

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем герое

<Фрагменты>

31

Сражение при Маренго (14 июня 1800)

Главный консул, узнав, что еще не прибыл резервный корпус генерала Дезе, удалился сам к дивизии Ланна¹, дабы сделать медленнее уже начавшееся ее отступление. Между тем неприятель подавался вперед. Первый консул дает приказ 2-й полубригаде сделать разные движения; он хочет даже принять неприятеля во фланги и сделать нападение, предводительствуя сам сею полубригадою; но вдруг раздалось во всех рядах: «*Мы не хотим, чтобы первый консул подвергал себя опасности!*». Тут-то видимо было благородное рвение солдат, кои, забывая самих себя, помышляли только об опасности главного их начальника! <...>

33

Английские министры вменяют Б. в великое преступление, что он в письме своем, посланном к английскому королю при вступлении в консульство, пренебрег обыкновенную формулу и тотчас в начале одного поставил республиканский талисман. Что касается до нас, то мы находим, что в республиканской формуле сей Б. верно не поставляет никакой особенной важности (чего и должно было ожидать от столь великого духа); но для того ее здесь необходимою счел, что она выражает первый пункт, о котором хочет говорить Бонапарте, то есть, предложение *признать республику*. Самое письмо, как важной документ, заслуживает помещено быть в сем собрании.

*Французская республика —
верховная власть народа — вольность — равенство
Париж, 5 Генваря, 8 года республики*

Бонапарте, главный консул республики, к его величеству королю Великобритании и Ирландии:

«Приняв, по желанию французской нации, ту первую магистра в Республике, я за приличное считаю, при занятии своего поста, прямо уведомить о том Ваше Величество».

«Ужели война, 8 лет опустошающая четыре части света, будет продолжаться вечно? Уже ли нет средства объясниться о том?»

«Как могут две просвещеннейшие нации в Европе, ком гораздо могущественнее и сильнее, нежели сколько бы требовали того их безопасность и независимость, идеям суетного величия жертвовать благосостоянием торговли и счастьем семейств? Как? Ужели вы не чувствуете, что мир есть первая необходимость, и вместе величайшая слава?»

«Сии чувствования не могут быть чужды сердцу Вашего Величества, кои управляете вольною нациею, и с тем единственно, чтобы сделать ее счастливою».

«В сем объяснении увидите, Ваше Величество, одно мое искреннее желание споспешествовать в другой раз восстановлению всеобщего мира чрез скорой и надежды исполненной шаг, которой чужд всех форм, кои может быть нужны слабым нациям для прикрытия зависимости, сильнейшим же — взаимного желанья, обмануть друг друга».

«Франция и Англия, употребляя во зло свои силы, к несчастью народов, еще долго могут продлить истощение оных; но жребий просвещенных наций, осмеливаюсь сказать, зависит от окончания войны, которая весь свет уже воспламеняет».

Вашего Величества подписано:
Бонапарте

<...>

35

Я говорил, так рассказывает один путешественник из города Бордо во Французском Журнале 1800 года (Отделение шестое, стр. 139) — Я много говорил с сими людьми (в департаменте Вандейском) о первом консуле. На вопрос мой, что они об нем думают, отвечал мне один из них: *«Мы благословляем его, он прекратил кровопролитие в новой Вандеи.— Ах! если бы он видел, как бесчеловечно с нами поступали! ... Сам Бог к нам послал его!»*

36

Что говорили к похвале Валленштейна, будто бы он знал всякого солдата из своего войска, то можно сказать и о Бонапарте. Почти невероятно, как он содержит в памяти имена, физиономии и отличительные черты своих воинов, Бонапарте может тоже утверждать и о себе, что Шиллер (смерть Валленштейна стр. 120) заставляет говорить своего героя: *Я не забываю никого, с кем я когда-нибудь бранился.*

Великий Фридрих также имел в сем случае удивительную память. Но если верное знание отличительных свойств каждого воина достойно удивления в тех полководцах, кои длинной ряд лет провели в поле, и кои почти всю жизнь свою имели вокруг себя солдат, то тем более должно сему удивляться в том юном полководце, которой еще с нескольких лет только сделался правителем столь огромной массы. Во многих итальянских сражениях, в которых он лично принимал участие, всегда называл он по имени какого-нибудь офицера или солдата. У иных спрашивал он: совершенно ли вылечены их раны? или: в каком состоянии находится их товарищ N. N.? Словом, он входит даже в домашние подробности каждого, кого только знал когда-нибудь. По сему-то самому войско и имеет к Б. чрезвычайную привязанность.

37

Бонапарте не имеет ни одной из тех детских и безрассудных привычек, кои столько отличают французов. Он не поет, не свищет и не делает трелей, хотя бы был в самом веселом расположении. Француз редко может устоять спокойно на одном месте, не сделав по крайней мере нескольких скачков и вальсов. Сей одним комедиантам свойственной привычки Бонапарте совсем не имеет; он всегда стоит твердо, спокойно и важно; ходит скоро, но не подпрыгивает, как большая часть живущих по ту сторону Рейна. Два или более француза с трудом могут быть вместе, не вмешивая в разговор свой каких-либо интриг и насмешек; они беспрестанно производят войну на словах, и большая часть их разговоров, даже и тех, кои начинаются о важных делах, оканчиваются всегда издевками друг над другом.

Из всего этого ничего не имеет в себе счастливой корсиканец. Он обходителен, говорлив, иногда и шутит, но никогда не выходит из границ благопристойности. Остроумие его не весьма блистательно (*brillant*) и быстро (*aile*); но оно тем более резко. Иногда удивлял он все собрание каким-нибудь остроумным замечанием, нимало не стараясь притом себя выказывать. В ответах же его часто заключается отменная тонкость. В больших собраниях говорит он весьма мало и старается быть молчаливым наблюдателем; но в теснейшем круге своих друзей он откровенен и искренен.

38

Бонапарте не охотник играть. Редко когда можно его склонить к тому. Игра, в которую он более и лучше играет, есть шахматы. Он не равнодушен к проигрышу так, что если проиграет две или три игры, то перестает в ту же минуту. Дюрок, Мюрат и брат его Иосиф в этом гораздо его превосходят. Перед походом его в Италию ему никогда не удавалось

в выигрыше. «Это хорошее предзнаменование, говорил он, и я наверное выиграю в Италии.»

В детских годах своих он почти также ни во что не играл. Будучи в воинской школе в Бриенне, делал он тогда компанию своим товарищам, когда они играли в войну. Но это служило ему более вместо работы и учения, нежели забавы. Этим он более всего занимался и играл с такою важностью, которая его товарищам казалась иногда смешною.

<...>

41

В наружности своей с первого взгляда имеет Б. нечто мрачное и холодное; но нужно только пробывать вблизи его несколько минут, чтобы увидеть в нем после некоторую тихость и приятность. В чертах лица его изображается особливая кротость, и взор его есть красноречивое доказательство человеколюбивого и тихого характера. Великий Фридрих в больших величественных глазах своих имел столь разительной огонь, что многие не могли сносить его взора, и, как бы в присутствии некоего божества, приходили от того в страх и замешательство.

Многие довольно неустрашимые особы не могли произнести ни одного слова, когда Фридрих при входе в залу тотчас по обыкновению своему бросал на них пронизательный взор. Бонапарте не имеет во взорах своих такого огня и разительности. Он вселяет не страх, но любовь и доверенность. Он всякому, кто с ним говорит, смотрит в глаза прямо и спокойно, ожидая, что он ему скажет. Большие голубые глаза его, блистающие кротким небесным огнем, кажется, говорят всякому: *приблизься и полюби друга человеков!* В песнях, кои в честь Бонапарте сочинены египетскими алмеями², упоминается между прочим в строфе*:

Взираю на тебя — и ты свой слух склонил.
Прекрасное чело ты шляпой покрываешь.
Ты взорами, как медом услаждаешь;
А Мамелюк глаза свои в мешках сокрыл.

и проч.

* Смотри замечания о Египте в Журнале Франция 6 Отд. 171 стр.